

РЕЦЕНЗИИ

УДК 323.27

DOI: 10.18324/2224-1833-2020-4-163-168

Большевики и крестьянство Прибайкалья в 1920-е годы: время трудных решений

М.Г. Бодяк^{1а}, Л.М. Салахова^{2б}

¹ Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского,
пос. Молодежный, 1, Иркутск, Россия

² Педагогический институт Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, Россия

^а Philosophy@igsha.ru, ^б mars62@rambler.ru

Статья поступила 14.12.2020, принята 16.12.2020

Рецензируется монография В.В. Иванова «Крестьянство и Советская власть Приангарья в 1920-е гг.: противостояние и взаимодействие», посвященная проблеме взаимоотношений пришедших к власти большевиков с крестьянством на территории Прибайкалья в 1920-е гг. Особенности реализации аграрной политики советской власти и реакция на нее крестьянства рассмотрены через изменения в законодательстве, административно-территориальном устройстве, практике управления на местах. Раскрыты жизненные стратегии прибайкальских земледельцев в период аграрного и политического кризиса, делается вывод о неизбежности процесса раскрестьянивания.

Ключевые слова: крестьянство; административно-территориальное устройство; аграрная политика; продовольственная разверстка; большевики; землеустройство; командно-административные меры; налоговая политика.

The Bolsheviks and the peasantry of the Baikal region in the 1920s: time of difficult decisions

M.G. Bodyak^{1а}, L.M. Salakhova^{2б}

¹ Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky;
1, Molodezhny Per., Molodezhny, Irkutsk region, Russia

² Irkutsk State University, Pedagogical Institute, 1 Karl Marx St, Irkutsk, Russia

^а Philosophy@igsha.ru, ^б mars62@rambler.ru

Received 14.12.2020, accepted 16.12.2020

The monograph by V.V. Ivanov "The Peasantry and Soviet Power of the Angara region in the 1920s: opposition and interaction", dedicated to the problem of the relationship between the Bolsheviks who came to power with the peasantry on the territory of the Baikal region in the 1920s. The peculiarities of the implementation of the agrarian policy of the Soviet government and the reaction of the peasantry to it are considered through changes in legislation, administrative-territorial structure, and local management practice. The life strategies of the Baikal farmers in the period of the agrarian and political crisis are revealed. The conclusion about the inevitability of the process of depeasantization is made.

Keywords: peasantry; administrative-territorial structure; agrarian policy; food allocation; the Bolsheviks; land management; command and control measures; tax policy.

Проблема изучения взаимодействия власти и крестьянства на первых этапах построения советского государства не теряет своей актуальности в свете обновления теоретических концепций в исторической науке, расширения источниковой базы, переосмысления уже имеющегося научного наследия. Так, в настоящее время в поле зрения исследователей находятся мероприятия советской

власти, проводившиеся в начале 1920-х гг. в молодой республике, выходящей из Гражданской войны. Очевидно то, что они вступали в противоречие с требованиями рабочих и крестьян, а это прогнозировало социально-экономический кризис. Взаимоотношения государственной власти и многочисленного крестьянства являлись определяющим фактором внутренней политики. Моло-

дой иркутский ученый В.В. Иванов в своей монографии исследует эту проблему на примерах взаимодействия сельского населения Приангарья и местной администрации в 1920–1927 гг.

Необходимость такого исследования была вызвана недостаточным анализом региональной специфики ключевых аспектов взаимоотношений крестьянства с органами государственной власти. Вместе с этим назрела острая потребность в пересмотре проблемы социального протеста и антибольшевистского повстанчества, поскольку повстанчество всесторонне не исследовалось, в частности, не были установлены все причины крестьянских восстаний.

Определив хронологические рамки семилетия между 1921 и 1927 гг., В.В. Иванов поставил цель проследить, как осуществлялось динамичное и во многом конфликтное взаимодействие трех сил: совершенствуемой административной системы, допущенного с целым рядом ограничений рынка и намеченного к уничтожению натурального хозяйственного уклада большинства крестьян [1, с. 5]. Отчетливо выражен пограничный, рубежный характер исследуемого времени: между военным коммунизмом и нэпом, между деревней эпохи российского капитализма и эпохи сталинской модернизации.

Автор книги указал, что вышеозначенные проблемы он планирует рассматривать на примерах Приангарья. Однако, следуя за логикой предъявленных фактов, он раздвигает территориальные границы, охватывая практически всю территорию Иркутской губернии. И это скорее достоинство работы, поскольку В.В. Иванов сравнивает, как те или иные процессы протекали в приангарских и приленских поселениях, на севере и на юге Иркутской губернии.

Несомненно, что к выбору такой сложной и дискуссионной темы В.В. Иванова подтолкнул историографический анализ научной литературы, оставивший у исследователя ощущение незавершенности или несогласия с предъявленной картиной социально-экономических и политических процессов, происходивших в сибирских селах в 1920-е гг.

В первой части монографии автор рассматривает факторы, существенно повлиявшие на взаимоотношения крестьян с пришедшими к власти в Советах большевиками. Основное внимание обращено на особенности формирования местной власти. В.В. Иванов утверждает, что «большевики опасались, что пока их власть на местах еще окончательно не укрепились, на выборах в советы могут победить нежелательные им лица. Во избежание этого и создавались ревкомы. Сами крестьяне негативно восприняли эти органы, считая, что они не выражают их мнения, так как члены

назначались сверху вышестоящим начальством» [1, с. 27]. Ревкомы, сосредоточив в своих руках рычаги административной и хозяйственной деятельности, создали огромный бюрократический аппарат, который был неспособен гибко и мобильно реагировать на проблемы, возникавшие на местах. Автор, опираясь на источники, убедительно показывает, как была обеспечена монополия большевиков на всех уровнях власти (от волостей, уездов, сельсоветов). Он утверждает, что и Советы не могли стать эффективным инструментом исполнительной власти в силу частой сменяемости их состава, периодичности созывов, некомпетентности их членов. Более того, необходимость выполнять распоряжения вышестоящих партийных инстанций без учета местных особенностей отталкивала людей от власти. Отмечается неэффективность попыток высших органов советской власти сократить бюрократический аппарат (Положение «О советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа», «О сельских советах»), перевести его содержание за счет местных бюджетов.

В.В. Иванов приводит многочисленные примеры технической неграмотности, бесхозяйственности, алчности, взяточничества, воровства советского чиновничества. Такое положение сохранялось на протяжении всего описываемого периода, отрицательно сказываясь на развитии сельского хозяйства и вызывая массовое недовольство со стороны крестьян.

В то же время, выделяется довольно короткий этап политической либерализации (1924–1926), когда крестьянство Иркутской губернии проявило активность в выборах: «Так, если в 1924 г. участвовало 26,39 % избирателей, в 1925 г. – 44 %, то в 1926 г. – 50 %. Зажиточные крестьяне активно вели агитацию против списка бедноты и коммунистов: “В советы нужно выбирать хозяйственных мужиков, но никак не бедняков, которые будут защищать только свои интересы”, “Коммунистов не надо, иначе пройдут в советы и зажмут крестьянина в кулак”» [1, с. 31].

Автор монографии делает вывод о том, что политическая либерализация приблизила Советы низового уровня к массам. Благодаря наличию своих людей в волисполкомах и сельских советах крестьянам удавалось облегчить свое положение и в ряде случаев саботировать политику центральных коммунистических властей. Некоторые председатели сельсоветов привлекали сельские сходы к проведению в жизнь важных мер. Однако уже в 1926 г. «либеральные» инструкции о выборах в Советы сменили новые, расширявшие категории лиц, лишаемых избирательных прав.

В качестве второго фактора, повлиявшего на организацию жизни крестьян Прибайкалья, автор

определил административно-территориальные преобразования. Нельзя не согласиться с утверждением, что главной сутью этой реформы было желание сократить государственные расходы и бюрократизацию.

Автор подробно описывает, как власти Иркутской губернии искали эффективные формы советского территориального строительства, проводя на этом пути укрупнение или разукрупнение административно-территориальных единиц, вплоть до сельсоветов. Однако, по утверждению В.В. Иванова, не было получено «ощутимых результатов, вместо этого возникли бюрократические споры, создалось неудобство для местного населения, государственный аппарат так и не был сокращен» [1, с. 28]. Не оправдались и надежды на то, что новое деление ускорит экономическое развитие. Более того, Иркутская губерния была поделена на три территории с разными уровнями хозяйственного развития и населенности и как экономически отстающая от уровня развития Западной Сибири была присоединена к Сибирскому краю (до 1930 г.).

Не оспаривая вышеизложенные положения, все же надо обратить внимание на отсутствие фактов, подтверждающих значимость административно-территориальных изменений в построении взаимоотношений рядового крестьянства с властью.

Гражданская война представлена третьим фактором, повлиявшим на отношения жителей Иркутской губернии с властью. Автор монографии убежден в том, что дело не в военных действиях, а в общем хозяйственном упадке. Он утверждает, что в губернии пострадали 700 селений и 10 338 крестьянских хозяйств [1, с. 61]. Это выразилось в уменьшении посевных площадей, сельскохозяйственного инвентаря, сокращении поголовья скота, недостатке семян, — на наш взгляд, утверждение весьма спорное, и оно базируется на довольно ограниченном объеме источников. В.В. Иванов показал, как советская власть (губкохозы) попыталась использовать сложившуюся ситуацию в целях подталкивания крестьян к объединению в коммунны или к совместной запашке земель, суля возмещение убытков организованному населению. Но реакция адресантов не анализируется.

Автор монографии завершает первую часть рассмотрением экономической политики большевиков. Причем он делит ее реализацию на два этапа: 1920–1923 и 1923–1927 гг.

Первый этап начинается повторной национализацией в 1920–1921 гг., производственным хаосом, разрушением производственных связей, нехваткой угля и дров, продовольствия, военной миграцией управленческих и рабочих кадров, отъездом военнопленных и беженцев, закрытием небольших кустарных мастерских и всех кожевен-

ных заводов. В этих условиях на территории губернии осуществляется хлебная и фуражная разверстка. Завершается этот этап, по мнению автора, неурожаем и массовым голодом в Иркутской губернии в 1922–1923 гг., что было следствием налоговой политики советской власти в регионе.

Автор оперирует фактами, показывающими грабительский характер налоговых мероприятий: «... в Иркутском районе на 45 дворов одного из селений разверстка была назначена 12 600 пудов, т. е. 280 пудов на двор, что было невыполнимо. Продагент Соловьев прибыл в деревню Арсеньеве Иркутского уезда и на вопрос крестьян, где и откуда взять корм для скота, ответил: “Убивайте скотину и снимайте кожу, тогда сена для скота не понадобится”» [1, с. 69].

Нельзя не согласиться с выводами В.В. Иванова о том, что налоговая политика привела крестьянство к массовым выступлениям против советской власти в Балаганском, Черемховском и Верхотенском уездах. В монографии подробно описаны формы произвола советской власти на местах. Автор обращает внимание на то, что в Иркутской губернии продразверстку будут осуществлять и после отмены политики «военного коммунизма» в государстве, поставив тем самым сельское население на грань голодного существования.

Подводя итоги первого этапа региональной экономической политики в деревне, автор указывает на ее репрессивный характер. Власть ведет разговор с крестьянством на языке силы.

Размышляя о причинах избрания подобных методов, исследователь обращает внимание на то, что власть пыталась таким образом подорвать позиции зажиточного крестьянства, однако в результате настроила против себя и другие слои крестьянства, а сельскому хозяйству губернии был нанесен серьезный ущерб.

Второй этап экономической политики (1923–1927) характеризуется автором активизацией региона в реализации новой экономической политики, переходом на сбор сельскохозяйственного налога 1923–1924 гг. в денежной форме; реализацией в 1925 г. политики РКП(б) «лицом к деревне».

Основное внимание автора сосредоточено на причинах сохранявшегося недовольства крестьян политикой государства.

Автор убежден, что крестьяне не могли удовлетворить товарный голод вследствие слабо развитой промышленности в губернии. Он обращает внимание на то, что кооперация, развивавшаяся в деревне, стала полем столкновения крестьян с властью. Чиновники предпринимали все возможные усилия для того, чтобы не допустить туда зажиточных крестьян. Частная торговля сначала была разрешена, но потом начала постепенно вытесняться с рынка. Государственная потребительская коопера-

ция не могла в полной мере удовлетворить земледельцев из-за своей неэффективности.

Вполне обоснованными в монографии выглядят размышления о налоговой политике, которая оставалась обременительной и подталкивала крестьян к сокрытию объектов обложения. Помощь кредитованием оказывалась преимущественно беднейшим слоям населения, зажиточные же крестьяне попадали под усиленный налоговый пресс. В.В. Иванов приводит в качестве аргумента мнения самих крестьян, обнаруженные в архивных документах: «в Кимельтее крестьянин-середняк Харюзов на собрании 28 мая 1925 г. по вопросу о налоге заявил: “Как нам ни говорят, что налог стал меньше прежнего, но я со своей стороны говорю, что царские налоги для мужика много легче были, чем советские. Прежде с крестьян собирали 1 млн р., а теперь 3 млн”; “Власть обложила нас единым сельхозналогом, а между тем накладывает на общество и содержание школы, школьного сторожа, гоньбы” (Жигалово, крестьянин Старков)» [I, с. 93].

Автор считает, что либерализация 1925–1926 гг. частично улучшила положение крестьян. Но уступки по отношению к крестьянству со стороны власти остались во многом номинальными. И на этом этапе налогообложение оставалось обременительным. Автор обращает внимание на то, что государственная поддержка крестьянства в Иркутской губернии была меньшей, чем в других регионах. Власть ограничивала свободную торговлю, а это существенно ухудшало эффективность хозяйственной деятельности. Вместе с этим, на всей протяженности этапа не было приемлемого уровня закупочных цен, что также вызывало нежелание крестьян участвовать в убыточном деле.

Многочисленные факты, приведенные в качестве аргументов, свидетельствуют о не прекращавшемся давлении на деревню. В основе отношения к сельским труженикам лежал классовый подход.

По мнению исследователя, обозначенный этап завершается в 1926–1927 гг., когда государство постепенно отказывается от рыночных принципов. Датировка второго этапа весьма спорная. Поскольку исследование сосредоточено на региональных особенностях, стоило бы от этого отталкиваться в определении границ этапов. Однако это замечание не сказывается на общих выводах к первой части, к которым пришел автор.

Монографическое исследование не могло не коснуться вопроса о политических настроениях крестьянства в Иркутской губернии. Отсутствие идеологических ограничений позволяет автору критически посмотреть на историческую реальность. В.В. Иванов, опираясь на неопубликованные и уже известные источники, утверждает, что к 1920 г. в Иркутской губернии сложилось негативное

отношение к коммунистам почти повсеместно. Исключение составляли те районы, в которых развернулась партизанская война против Колчака. Такая обстановка была спровоцирована не только продразверсткой. По мнению автора, люди выступали против трудовой и военных мобилизаций, «крестьяне были глубоко возмущены творящейся бесхозяйственностью на территории губернии, так как в советских учреждениях наблюдались нераспорядительность и волокитство, неудовлетворительный товарообмен с городом [I, с. 96].

В.В. Иванов довольно детально раскрывает тактику Губчека — ОГПУ — РККА, избранную в отношении возмущенного населения. Она была названа «красным бандитизмом» еще в 1920-е гг. По сути, это были антиповстанческие отряды из представителей милиции и красноармейцев, занимавшиеся неприкрытым грабежом местного населения. В книге представлено много фактов мародерства со стороны тех, кто должен был, казалось бы, защищать и поддерживать граждан республики. Позволим себе привести в качестве иллюстрации следующий пример: «Так, в Черемховском уезде красноармейцы вырывали овощи, травили хлеб, а когда потерпевший обращался с жалобой к комсоставу, его арестовывали» [I, с. 98].

С годами противостояние и недоверие нарастали. Автор монографии показывает, как уже к 1922 г. сельское население Иркутской губернии саботирует мероприятия советской власти.

Нельзя не согласиться с автором, утверждающим, что проводившаяся в это же время большевистская агитационная работа была обречена на неуспех. Автор отмечает, что советские чиновники, пользуясь своей безграничной властью, подрывают и без того неустойчивый режим. Он не обнаруживает примеров привлечения к ответственности исполнительной власти на местах.

По мнению В.В. Иванова, стабилизация настроения крестьянства, спад повстанческого движения резко пошли на убыль с 1924 г. в связи с ослаблением налогового гнета, подъемом закупочных цен на хлеб, кредитованием земледельцев. Остановили крестьян государственные мероприятия, а не продуманная региональной властью политика привлечения сельского населения на свою сторону. В работе приводятся письменно зафиксированные в сводках мнения и высказывания крестьян по поводу происходящих изменений. Например, «зажиточный крестьянин села Братск Калгин Николай, бывший до этого яростным ненавистником Советской власти, после известия о снижении налога заявил: “Это Советская власть хорошо придумала, теперь действительно видно, что она идет к нам навстречу”; в д. Зуево Верхотенского уезда середняк П. Копылов заявил: “Дело прошлое, я думал, пока не стал читать газеты,

что Советская власть для мужиков неподходящая, но теперь видно, что она нам как раз подходит, потому что она действительно заботится и слушает внимательно всех, кто о нашей жизни говорит порядком» [I, с. 102, 103].

Большое место в монографии отводится анализу форм активного сопротивления экономической политике советской власти после 1920 г. Автор опирается на известные в исторической науке примеры. Он дифференцирует формы борьбы и сопротивления, утверждая, что они зависели от принадлежности крестьянина к беднякам, середнякам или кулакам.

Несмотря на то, что тяжесть налоговой политики приходилась на зажиточных крестьян, а беднота пользовалась поддержкой советской власти, многие беднейшие крестьяне разорялись и уходили в наемные работники или покидали деревню, или организовывали нападения на кулаков. Недовольство середняков и зажиточных крестьян приводило к созданию повстанческих отрядов для борьбы с советами.

Основными районами крестьянских восстаний в Иркутской губернии были Балаганский и Черемховский уезды. Эти районы были самыми плодородными в губернии. С них бралась самая высокая продразверстка. Автор исследования обращает внимание на то, что в этих районах практически отсутствовало партизанское движение в годы Гражданской войны. Автор монографии показывает повстанческое движение как организованное, а не стихийное. В главе стоят штабы, ведется агитационная работа. Мобилизация в ряды повстанцев не встречает сопротивления у местного населения. Характеризуя лидеров повстанцев, В.В. Иванов обращает внимание на довольно разнообразное представительство: от зажиточного крестьянства, бывших офицеров до бывшего начальника милиции или членов волисполкомов и учителей.

Восстания в Балаганском уезде вызвали цепную реакцию. Эту тактику подхватили уезды, в которых ранее не было повстанцев. Местные власти не могли справиться с повстанчеством, так как милиция и красные отряды были плохо вооружены. «Красные же отряды испытывали острый недостаток в кавалерии, они пытались его восполнить с помощью реквизиций и мобилизаций подвод у населения, но эти меры приводили лишь к еще большему озлоблению населения и не могли в полной мере устранить недостаток. Партизаны же были абсолютно мобильны. Из-за того, что население их полностью обеспечивало продовольствием практически в каждом селе, они не имели обозов» [I, с. 120].

Ситуация для большевистской власти в губернии стала угрожающей, и это заставило привлечь регулярные части Красной армии. Только в 1923–1924 гг. были ликвидированы крупные повстанче-

ские отряды, сохранялись лишь мелкие разрозненные отряды. Таким образом, исследователь, показывая, что региональные власти не смогли построить конструктивный диалог с сельским населением, избрать не принудительную, а созидательную тактику.

В финальной части книги автор предпринимает попытку обратиться к национальным проблемам региона, возникшим вследствие осуществляемых экономических мероприятий и территориальных изменений. Но, по нашему мнению, это тема следующей книги молодого автора.

В заключение автор приходит к выводу, что «утверждение советской власти привело к кардинальному изменению всего административного аппарата в сельской местности [I, с. 177]. Громоздкий бюрократический аппарат оказался крайне неэффективным и привел к полной бесхозяйственности на территории региона», от чего страдало местное население.

При районировании советская власть столкнулась с проблемой неоднородности экономических районов, разной их хозяйственной специализацией. Это, в свою очередь, являлось причиной общего упадка хозяйственного благосостояния населения некоторых районов [I, с. 180].

Вполне обоснованно автор монографии делает заключение о том, что реализация насильственных способов изъятия продовольствия у крестьян в период военного коммунизма привела к аграрному кризису, вызвала массовое недовольство со стороны крестьян, породила повстанческое движение. Автор невысоко оценивает организаторские способности советских чиновников и сомневается в их глубокой преданности идеалам социализма. Он аргументирует свою позицию примерами расхищения социалистической собственности, взяточничества, мародерства. Такая тактика явно противоречила идеологическим основам советской власти.

Сопротивление крестьянства заставило власти пойти на уступки, в 1923 г. было снижено налогообложение, острота противостояния спала. В 1924–1925 г. либерализация продолжилась, налогообложение уменьшилось и приняло более цивилизованные формы, крестьянству стали оказывать помощь кредитованием, были подняты закупочные цены. Земледельцы позитивно оценили начало такой политики, но она далеко не полностью их удовлетворяла, поскольку ставки налога по-прежнему оставались очень высокими, кроме того, такая политика со стороны государства оставалась классово-вой. Власть со временем вернулась к командным методам управления сельским хозяйством.

В итоге автор подводит нас к выводу о том, что результатом аграрной политики советской власти на местах к концу 20-х гг. XX в. стало фактическое

прекращение развития сельской экономики. Так, вместо реализации нэповских принципов и прекращения давления на деревню, которые позволили бы существенно оздоровить ситуацию, правящий режим приступил к ускоренной коллективизации сельского хозяйства, а вместе с тем, к ликвидации крестьянства как такового.

В заключение стоит обратить внимание на богатое и содержательное приложение, сопровождающее текст монографии. Это вполне самостоятельный раздел, документальные материалы которого позволяют еще глубже проникнуть в суть происходивших событий, существенно изменивших жизненный уклад и судьбы многих сибирских крестьян.

Литература

1. Иванов В.В. Крестьянство и Советская власть Приангарья в 1920-е гг.: противостояние и взаимодействие: моногр. Москва: Русайнс, 2020. 270 с.